

Медведь на воеводстве

В кн.: "М.Е.Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши".
М., "Правда", 1985.
OCR & spellcheck by HarryFan, 16 February 2001

Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими и, в качестве таковых, заносятся на скрижали Истории. Злодейства же малые и шуточные именуются срамными, и не только Историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы.

1. ТОПТЫГИН 1-й

Топтыгин 1-й отлично это понимал. Был он старый служака-зверь, умел берлоги строить и деревья с корнями выворачивать; следовательно, до некоторой степени и инженерное искусство знал. Но самое драгоценное качество его заключалось в том, что он во что бы то ни стало на скрижали Истории попасть желал, и ради этого всему на свете предпочитал блеск кровопролитий. Так что об чем бы с ним ни заговорили: об торговле ли, о промышленности ли, об науках ли - он все на одно поворачивал: "Кровопротитиев... кровопролитиев... вот чего нужно!"

За это Лев произвел его в майорский чин и, в виде временной меры, послал в дальний лес, вроде как воеводой, внутренних супостатов усмирять.

Узнала лесная челядь, что майор к ним в лес едет, и задумалась. Такая в ту пору вольница между лесными мужиками шла, что всякий по-своему норовил. Звери - рыскали, птицы - летали, насекомые - ползали; а в ногу никто маршировать не хотел. Понимали мужики, что их за это не похвалят, но сами собой остепениться уж не могли. "Вот ужо приедет майор, - говорили они, - засыплет он нам - тогда мы и узнаем, как Кузькину тещу зовут!"

И точно: не успели мужики оглянуться, а Топтыгин уж тут как тут. Прибежал он на воеводство ранним утром, в самый Михайлов день, и сейчас же решил: "Быть назавтра кровопролитию". Что заставило его принять такое решение - неизвестно: ибо он, собственно говоря, не был зол, а так, скотина.

И непременно бы он свой план выполнил, если бы лукавый его не попутал.

Дело в том, что, в ожидании кровопролития, задумал Топтыгин именины свои отпраздновать. Купил ведро водки и напился в одиночку пьян. А так как берлоги он для себя еще не выстроил, то пришлось ему, пьяному, среди полянки спать лечь. Улегся и захрапел, а под утро, как на грех, случилось мимо той полянки лететь Чижику. Особенный это был Чижик, умный: и ведро таскать умел, и спеть, по нужде, за канарейку мог. Все птицы, глядя на него, радовались, говорили: "Увидите, что наш Чижик со временем поноску носить будет!" Даже до Льва об его уме слух дошел, и не раз он Ослу говаривал (Осел в ту пору у него в советах за мудреца слыл): "Хоть одним бы ухом послушал, как Чижик у меня в когтях петь будет!"

Но как ни умен был Чижик, а тут не догадался. Думал, что гнилой чурбан на поляне валяется, сел на медведя и запел. А у Топтыгина сон тонок. Чует он, что по туше у него кто-то прыгает, и думает: "Беспрременно это должен быть внутренний супостат!"

- Кто там бездельным обычаем по воеводской туше прыгает? - рявкнул он, наконец.

Улететь бы Чижику надо, а он и тут не догадался. Сидит себе да дивится: чурбан заговорил! Ну, натурально, майор не стерпел: стреб грубияна в лапу, да, не рассмотревши с похмелья, взял и съел.

Съест-то съел, да съевши спохватился: "Что такое я съел? И какой же это супостат, от которого даже на зубах ничего не осталось?" Думал-думал, но ничего, скотина, не выдумал. Съел - только и всего. И никаким родом этого глупого дела поправить нельзя. Потому что, ежели даже самую невинную птицу сожрать, то и она точно так же в майорском брюхе стниет, как и самая преступная.

- Зачем я его съел? - допрашивал сам себя Топтыгин, - меня Лев, посылаючи сюда, предупреждал: "Делай знатные дела, от бездельных же стерегись!" - а я, с первого же шага, чижей глотать вздумал! Ну, да